
Л.В. Столярова

РАСПРОСНЫЕ РЕЧИ КАК ФОРМА ПИСЬМЕННОЙ ФИКСАЦИИ УСТНЫХ ПОКАЗАНИЙ В СЛЕДСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ КОНЦА XVI В.

Статья посвящена документированию так называемых «расспросных речей» – устных свидетельских показаний в рамках следственного производства, состоявшегося в мае 1591 г. в связи с гибелью царевича Дмитрия Ивановича в Угличе. Рассматривается следственная терминология, использовавшаяся в Следственном деле при фиксации показаний участников и свидетелей угличской драмы, определяются обороты их речи, записанные участниками следствия со слуха. Устанавливаются речевые формулы и шаблоны, использованные для стандартизации «расспросных речей» при их записи.

Ключевые слова: гибель царевича Дмитрия, следственное дело, устный источник, документирование материалов следствия, судебно-следственная терминология, дипломатический формуляр следственной документации.

*...И в ужасе под топором злодеи
Покаялись – и назвали Бориса.*

А.С. Пушкин

Угличское следственное дело (РГАДА. Ф. 148: Угличская Следственная комиссия во главе с князем В.И. Шуйским. Оп. 1. Д. 1) является первым дошедшим до нас письменно оформленным уголовным делом, в основе которого – следствие о гибели царевича Дмитрия – единокровного брата царя Федора Ивановича – и внесудебной расправе над его предполагаемыми убийцами («измена» Нагих). Более ранних подобных источников, тем более связанных с расследованием смерти при невыясненных обстоятельствах особы царской крови и к тому же вероятного наследника престола, отечественная история не знает. Гражданские тяжбы, в том числе о земле, появились в России уже в XV в.¹

---

¹ АСЭИ. Т. 3. С. 53–56, № 31, 32 (правые грамоты Чудову монастырю, начиная с 1416–1417 гг.); ср. также: Черепнин 1969. С. 317–380.

Известны, например, дело о краже сена в 1503 г. (Каштанов 1970. С. 409–414, № 40), боярский приговор о краже ржи 1520 г. (Зимин 1972. С. 51) и др. Сохранилось дело о бегстве в 1521 г. из Москвы в Литву арестованного Василием III рязанского великого князя Ивана Ивановича². Издано судное дело Максима Грека и Исаака Собака (Судные списки 1971). Однако протоколов расследований убийств ранее 1591 г. нет. Все это подчеркивает уникальность Угличского следственного дела и делает его, помимо прочего, важнейшим источником по истории судебно-следственного производства в феодальной России конца XVI в.

Комиссия В.И. Шуйского появилась в Угличе во второй половине дня («вечером») 19 мая и сразу же приступила к допросам (л. 2). Спустя 14 дней, т.е. 2 июня 1591 г., она уже делала доклад перед царем Федором Ивановичем и Освященным собором в Москве (л. 47). Следственная комиссия определенно не выезжала из Углича до вторника 25 мая 1591 г., т.к. ранее этой даты не могла быть составлена челобитная Русина Ракова, в которой упомянут «первый вторник», т.е. 18 мая. Вторым вторником после гибели царевича Дмитрия было 25 мая. Самой поздней датой отъезда комиссии из Углича, предполагавшей возможность доклада в Москве 2 июня, было 29, в крайнем случае – 30 мая 1591 г., т.к. дорога из Углича в Москву потребовала бы около двух дней. Следовательно, комиссия работала в Угличе не менее семи дней, с 19 по 25 мая (включая день приезда, воскресенье 23 мая³ и день отъезда). Вряд ли можно предполагать, что работа Комиссии продолжалась более 11-ти дней (с 19 по 29 мая 1591 г. включительно). В.И. Шуйский должен был отъехать из Углича самое позднее в воскресенье 30 мая утром⁴, в тот день уже не работая.

² АСЭИ. Т. 3. С. 406–409, № 391 (РГАДА. Ф. 146. № 4); Зимин 1972. С. 244.

³ Учитывая интенсивность работы Комиссии, допускаем, что воскресенье 23 мая было рабочим днем. Во всяком случае, в реальной практике запреты на работу по воскресеньям могли нарушаться. С.М. Каштанов обратил наше внимание на то, например, что массовые подтверждения жалованных грамот монастырям 17 мая 1551 г. пришлось на воскресенье, Троицын день. Всего в этот день было подписано не менее 219 грамот. Несмотря на воскресенье, царская канцелярия интенсивно работала (подробнее см.: Каштанов 1988. С. 111–136, особенно с. 114–116; см. также С. 116, примеч. 3). По нашим наблюдениям, работу по воскресным дням в особых случаях нельзя исключать и в более раннее, чем в XVI в., время (см.: Столярова, Каштанов 2010. С. 300–301).

⁴ А.П. Богданов определенно считает, что уже 27–28 мая комиссия В.И. Шуйского была в Москве, т.е. что к 25–26 мая следствие в Угличе было уже кончено.

Подавляющее большинство лиц, так или иначе связанных с событиями 15–18 мая 1591 г. или, по крайней мере, упомянутых в показаниях других фигурантов дела, подверглось процедуре допроса или (и) представили свои показания в какой-то иной форме (челобитные, сказки, извет). Только четыре человека, могущих прояснить обстоятельства гибели царевича Дмитрия (его мать царица Мария Нагая, сторож Максим Кузнецов, первым ударивший в набат⁵, ведун Андрюшка Мочалов и, возможно, муж кормилицы Арины Ждан Тучков), по разным причинам следственной комиссией В.И. Шуйского не допрашивались. Нет и показаний 43-х непосредственных участников «измены Нагих», включая тех же царицу, ведуна и кормилицына мужа, которые явно могли что-то сообщить по этому делу. Всего, таким образом, отсутствуют показания 44-х человек, так или иначе упомянутых в документах следствия.

Предположения об отсутствии в деле «по меньшей мере 200 допросов», высказывавшиеся И.И. Полосиным (1963. С. 228), лишены оснований, т.к. указанное число (200) сохранившимися материалами дела не подтверждается. Сказанное не означает, что мы считаем, будто материалы угличского обыска в том виде, в каком они сохранились, отражают всю картину расследования и отрицаем, что какая-то (вероятно, довольно существенная) их часть до нас не дошла. Мы настаиваем только на том, что число 200 – произвольно и источниками не подкрепляется⁶.

Это заключение базируется на том, что одним из почерков Следственного дела писался черновик статейного списка, который был вручен 29 мая 1591 г. отправлявшимся в Грузию русским послам. Иными словами, Богданов полагает, что к этой дате один из подъячих, ведший следственное делопроизводство в Угличе, уже был в Москве и приступил к своей штатной работе в Посольском приказе (см.: Богданов 1999. С. 248–249, см. также примеч. 195). Однако совсем не обязательно, что черновик статейного списка непременно писался накануне или в день отъезда послов. Он мог быть составлен заранее, в том числе за 1–2 недели до начала работы следственной комиссии в Угличе, т.е. в любой день мая 1591 г.

⁵ Максим Кузнецов упоминается только в показаниях попа Огурца о набатном колоколе, зазвучавшем после случившейся с царевичем трагедии. Среди имен участников «измены Нагих» его имя не фигурирует.

⁶ Эти выкладки И.И. Полосина считал «субъективными» и А.А. Зимин (1972. С. 156).

**Число лиц, чьи показания имеются в Следственном деле
и лиц, чьи показания в Следственном деле отсутствуют**

Лица, упомянутые в следственном деле в качестве участников событий 15–18 мая 1591 г. в Угличе, включая убитых 15 и 17 мая, всего	190 чел.
Из них допрошены или оставили свои показания в форме челобитной, извета, сказки	146 чел.
Отсутствуют расспросные речи или челобитные	44 чел.
Из них были убиты 15–17 мая 1591 г.	18 чел.
Всего могли быть допрошены с учетом тех, чьи расспросные речи отсутствуют, но чьи имена упомянуты в Следственном деле	172 чел.

Следует заметить, что грандиозность работ, связанных с определением круга лиц, которых следовало допросить, доставкой их к месту заседаний комиссии, а также мероприятия, связанные собственно с допросами и их фиксацией, задействованием лиц, занятых розыском, вызовом и приводом на следствие фигурантов дела, записью их расспросных речей и составлением челобитных, наконец, с последующей обработкой полученных материалов, делает вряд ли правдоподобным предположение о том, что за 7–11 дней работы комиссия В.И. Шуйского была в состоянии опросить, как это считал И.И. Полосин, более 300 человек (140+200) (Полосин 1963. С. 226–227, см. также с. 231–233). По нашему мнению, в ходе угличского следствия допросам подверглись не более 172 человек.

В ходе дознания и при записи показаний свидетелей по угличскому делу использовалась специальная терминология, вероятно, в целом соответствовавшая терминологии уголовного производства в России второй половины XVI в.

События в Угличе 15–18 мая 1591 г. (трагическая гибель царевича Дмитрия и «измена⁷ Нагих») определялись как «углецкое дело», «лихое дело», «великое измѣнное дѣло», «дѣло земское, градцкое» (л. 51), в отношении которого комиссией В.И. Шуйского был начат «углецкий обыск⁸». В общем виде преступление

⁷ Измена – *предательство* (Срезневский 1989. Т. 1, ч. 2. Стб. 1067–1068; СРЯ. 1979. Вып. 6. С. 172; СДРЯ. 1991. Т. 4. Стб. 42–43).

⁸ Обыск – *дознание, следствие, опрос свидетелей* (см.: Срезневский 1989. Т. 2, ч.1. Стб. 573; СДРЯ. 2002. Т. 5. С. 481).

определено словом «вина», за которое полагается «наказание», «казнь» и «опала». Русин Раков обращался к митрополиту Геласию как к «печалнику» (заступнику) перед государем, «чтобы мне, холопу г(о)с(у)д(а)р(е)ву, подле вин[о]ватых в опале не быт(ь), в казни» (л. 50).

«Обыскивати» в Угличе, т.е. производить следственные мероприятия, комиссия В.И. Шуйского могла только путем получения свидетельских показаний («роспросов»). В лексическом аппарате «дела» нет никаких слов и выражений, которые бы свидетельствовали о применении комиссией пытки к подследственным. Несмотря на тяжесть преступлений, к расследованию которых приступили следователи Шуйского, показания свидетелей и фигурантов дела вопреки требованию Судебника 1550 г. были получены без силового воздействия: в Угличе не пытали, и пыточных речей в Следственном деле нет.

Осмотр места происшествия, освидетельствования тел погибших (в том числе царевича Дмитрия), исследования способа и характера полученных ими ранений, повреждений одежды, обыски и изъятия вещественных доказательств, проведение каких-либо экспертиз и пр., по-видимому, не производились⁹. Во всяком случае, подобного рода следственные мероприятия никакого отражения в материалах дела и, в первую очередь, в его терминологии не нашли. Вероятно, это соответствовало общей практике уголовного производства в то время и состоянию практической криминалистики в России конца XVI в.

Дознание предусматривало проведение допроса («роспроса», «спроса»), для чего фигуранты дела «изымались» со своих подворий, «ставились» перед следователями «на дворе» («перед царицею у церкви») и подвергались допросу («у роспросу на дворе перед X, да перед X₁, да перед X₂... сказал...»). Допрос («спрос») документировался в виде записи показаний («распрошенных речей», «речей»). В ряде случаев на обороте листа с запи-

---

⁹ В Новом летописце, впрочем, указано, что: «князь же Василей со властью приидоша вскоре на Угличь и осмотри тела праведного заклана и... плакася горко на мнозь чась...» (ПСРЛ. 2000. Т. 14. С. 42). Однако уверенности в достоверности этого относительно позднего свидетельства об осмотре тела членами Следственной комиссии нет. Как известно, Новый летописец был составлен ок. 1630 г. и отразил официальную концепцию истории конца XVI – второй четверти XVII в. (события в нем доведены до 1630 г.). Согласно этой концепции, царевич Дмитрий был убит.

сю «речей» помещались рукоприкладства (подписи допрошенных) в формуле «к сем речем X руку приложил», «к тем речем X руку приложил» (ср., например: «К сѣм рѣчем ѿтец духовнои Григор(ь)я Нагово цар(е)к[о]стантиновскои поп Богдан руку при[ло]жил»; «К сѣм рѣчем Григорей руку [при]ложил»; «А в тѣ поры был у спросу воскресенскои архимарит Ѳеодорит и к тѣм рѣчем и [руку приложи]л» и др.). Во время допроса могла применяться очная ставка («роспрос с очей на очи»), обнаруживалась необходимость в вызове дополнительных свидетелей («велѣл(и) поставити перед собою X и X_1 , которые были с X_2 , и розпрашивали...»). Участников и свидетелей угличской драмы следователи Шуйского «вспросили», «розпрашивали», «в(ы)спрашевали».

Вызову на допрос предшествовало специальное распоряжение следователей приставам: «княз(ь) Василей $ж$, и Ондрѣи, и Елизарей велѣл(и) поставити перед собою X ». В процессе дознания комиссия В.И. Шуйского задавала вопросы, вероятно, сформулированные изустно, которые, будучи записанными писцом, фиксировавшим процедуру допроса, получали стандартную форму: «которым обычаем...?», «для он чего...?», «почему?...», «за што?», «кто... велѣл?» (ср.: «Которым обычаем¹⁰ ц(а)р(е)вичю смерть случилас(ь), и за што убили Михаила Битяговског(о) с товарищи, и хто их велѣл побити?»; «Которым обычаем ц(а)р(е)вичю смерть случилас(ь), и за што убили Михаила Битяговског(о) с товарищи, и хто их велѣл побити?»).

В ходе дознания устанавливался источник информации по делу («а то видел»; «а то слышали от X »; «Тово он не слышал, что..., а то ему X сказывал»; «А X , да X_1 , да X_2 сказали про ц(а)р(е)вичеву смерть тѣ $ж$ рѣчи, что сказали X_3 и X_4 », «слыхала у мужа своег(о)») и оценивалась степень ее достоверности («а сказали про... те же речи, что сказали X и X_1 », «то на нег(о)... вводит», «запираетца»¹¹). Следствием были выявлены зачинщики беспорядков («починщики». – СРЯ. 1992. Вып. 18. С. 76), а также лица, виновные в совершении преступлений («виноватые»), и убийцы («убоицы»). Жертвы и пострадавшие в ходе угличских событий именовались «по-

¹⁰ В значении: *каким образом* (Срезневский 1989. Т. 2, ч. 1. Стб. 574–575; СРЯ. 1987. Вып. 12. С. 216–217; СДРЯ. 2002. Т. 5. С. 560–561).

¹¹ В значении: *не признается* (Срезневский 1989. Т. 1, ч. 2. Стб. 934; СРЯ. 1978. Вып. 5. С. 202; СДРЯ. Вып. 3. 1990. С. 342).

битыми», «побитыми людьми». Трупы погибших упомянуты в формуле «люди мертвые лежат».

Для обозначения преступлений, совершенных или предположительно совершенных в Угличе, в Следственном деле встречаются следующие слова и выражения: «лихое дело», «измена явная», «убойство», «крови пролитье». Это существенным образом отличает представления о преступлении времен Русской Правды («обида»¹²) от правовых памятников эпохи Русского государства. В терминологии Судебников XV–XVI вв. для обозначения преступника, совершившего особо опасные деяния, употреблялся термин «лихой человек», причем признание преступника «лихим» порождало возможность применения к нему в виде наказания смертной казни. В Судебнике 1550 г. обозначены категории уголовных преступлений, каравшиеся смертью: душегубство, крамола, воровство, измена, зажигание (поджог). Обращает на себя внимание, что «лихое дело» помещено в ст. 8 Судебника 1497 г. наряду с другими известными правовой практике более раннего времени видами преступлений (душегубство, разбой, татьба и др.), однако содержание этого понятия не раскрывается. Не поясняется оно и Судебником 1550 г. Первым в истории русского законодательства кодексом, в котором приводится относительно полная система государственных преступлений, включающих в себя «лихое дело», считается Соборное уложение 1649 г.¹³

В процессе дознания фиксировался характер преступления («убойство», «убивство» (убийство); «побитие¹⁴ до смерти»; «побитие насмерть»; «побитие» (нанесение ранений побоями и убийство), «крови пролитье») и его способ («зарезали», «убили до смерти», «прибили до смерти», «розстреляв, в воду посадили»). В ряде случаев способ расправы детализировался подробным описанием действий «убойц» и «починщиков» и (реже) их мотивов: «посадцкие л[ю]ди кинулися за X, и X уб[е]жал..., и посадцкие люди выломали двери и X выволокли, и тут ево уби[ли] до смерти, а X₁ тут же с X убили вмѣсте»; «у избы высекли двери, да X и X₁, выволокли из избы, убили до смерти,

¹² Нанесение физического, морального и материального вреда (подробнее см.: Развитие русского права 1986. С. 157).

¹³ Подробнее см.: Тальберг 1912. С. 50; Маньков 1980. С. 217–218; Развитие русского права 1986. С. 170.

¹⁴ Срезневский 1989. Т. 2, ч. 2. Стб. 985–986; СРЯ. 1989. Вып. 15. С. 127.

потому что им почал розговариват(ь)» (л. 21); «...они... двери у исбушки высекли, да выволокли X да X_1 , да тут... ихъ и убили ихъ до смерти» (л. 28); «...почал бити... и прибил до смерти» (л. 32); «перед ц(а)р(и)цею прибили до смерти» (л. 18) и др.

В деле упомянуты случаи нанесения пострадавшим тяжких телесных повреждений с указанием характера полученных ими травм («голову... пробила во многих мѣстех», «руки и ноги переламали») и способа нанесения увечий («почала... бити полѣномъ», «велѣла... тѣм же полѣном бити по боком» (л. 11–12); «сабили насмерть, руки и ноги переламали» (л. 24)).

О грабежах, хулиганских действиях и порче имущества в деле сообщалось в описательной форме: «высекли двери», «выломали двери», «двер(ь) выломали», «а у Діач(ь)и избы сѣни и двери розламаны и вокна выбыты..., коробеика моя розламана, а вынято из неѣ... денег дватцат(ь) рублев», «отняли ...три рубли денег», «животы розграбили», «двор розграбили», «...пит(ь)е из погреба в бочках выпив, ...бочки кололи», «и животишка... наши все на подвор(ь)ишке розграбили без остатк[у]», ««лошади... побрал», «всял... кон(ь) гнѣд, да саадак», «саблю всял»).

В форме отрицания причастности к преступным действиям в Следственном деле фиксируется оговор («то на нег(о) городовои приказщик всводит») и насильственное приведение к клятве на кресте («и го[р]одового он приказщика к целован(ь)ю не приваж[ив]ал». Кроме того, выделяются такие деяния, относящиеся к категории «лихих дел», как наведение порчи и ведовство («...добывает ведунов и ведуны на г(о)с(у)д(а)ря и на г(о)с(у)д(а)р(ы)ню, а хочет портит(ь)»).

В деле зафиксированы случаи отказа от дачи свидетельских показаний (со ссылкой на неосведомленность или отсутствие допрашиваемого на месте преступления в момент его совершения: «а он тово не видал»; «того он не вѣдает» (л. 15); «тог(о) они не вѣдают» (л. 44); «тово он не слышал, что..., а то ему Григор(ь)ю сказывал» (л. 16а); «...убили чернью, не вѣдает са што» (л. 17); «скасали, что они слышали от посадцких людей и от посошных, что будтосе ц(а)р(е)вича Дмитрея убили, а того не вѣдомо, хто ево убил» (л. 17а); «а тово не вѣдают, хто им убоица и са что их побили» (л. 31); «многих людей побили без нег(о) черные посадцкие люди, а про то он слышел от людей» (л. 32); «скасал, что он тог(о) не помнит во торопех»

(л. 37); «А он сѣдел в тюрмѣ, а тово не вѣдает» (л. 43); «а м[ы], г(о)с(у)д(а)рь, тог(о) ни знаемъ, [ни] ведаемъ» (л. 41).

Представляет интерес употребление в деле выражений «забить насмерть», «убить насмерть» в значении «избить до полусмерти». Кирилл Моховиков употребил это выражение в отношении себя самого, жестоко избитого и покалеченного («руки и ноги переламали»), но выжившего после нанесения ему тяжелых увечий и даже представшего перед Следственной комиссией буквально через несколько дней после трагедии. Вероятно, Моховикова избили так, что он потерял сознание и ничего не помнил. Не исключено, что из-за полученных травм у него возникла ретроградная амнезия: ссылаясь на то, что он «самь убит насмерть» (л. 24), Моховиков говорил, что ничего не может сообщить комиссии о деталях убийства Михаила Битяговского. Состояние действительных жертв «измены Нагих» – отца и сына Битяговских, Данилы Третьякова и Микиты Качалова Кирилл Моховиков определил словами «убили до смерти» (л. 24). Осип Волохов, также избитый до полусмерти, перед публичной казнью был «только чуть жив» («привели... к ц(е)рковке к Спасу перед ц(а)р(и)цу толко чють жива, и тут ево перед ц(а)р(и)цею прибили до смерти» (л. 18)). Иными словами, мы сталкиваемся с употреблением выражения «убить насмерть», «забить насмерть» в значении «избить до полусмерти» (покушение на убийство или незавершенное убийство), тогда как выражение «прибить до смерти», «убить до смерти» означает состоявшееся убийство.

К месту расправы жертву «волокли» («выволакивали»), «вытаскивали»: «кинулися за X, и X уб[е]жал в Брусеную избу на дворѣ, и посадцкие люди выломали двери и X выволокли, и тут ево уби[ли] до смерти» (л. 7–8); «выволокли X да X₁, да тут деи ихъ и убили ихъ до смерти» (л. 28); «И выволокли X и X₁... туто их и побили до смерти»; «...вытащили и убили их» (л. 33); их преследовали («гоняли», «кинулися за...»), удерживали силой и «не пускали». Согласно свидетельским показаниям, Нагие требовали обвиненных ими в гибели царевича лиц «добыт(ь)», «искать», «изымать», «поставить» («...да меня ж... после тог(о) искали» (л. 9–10); «велѣла добыт(ь) и велѣла ...убити ж» (л. 12)).

В деле отмечены два эпизода предотвращения убийства или, по крайней мере, жестокого избияния. Первый связан с вмешательством архимандрита Феодорита и игумена Савватия в судьбу вдовы Авдотьи Битяговской и ее двух дочерей. Толпа разъярен-

ных угличан привела их к церкви св. Спаса «и хотѣли... побити», но святые отцы женщин «ухватили и *отняли*... и убити их не дали» (л. 18). Второй эпизод связан со спасением посошными людьми своего приказчика Василия Спиридонова, которого «всяким людем убити не дали и *отвели* ево *от* [них] проч(ь)» (л. 42). Низменные мотивы и цели «починщиков», убивавших, грабящих, крушащих чужое имущество подчеркнута определениями «лихое дело»; «побити напрасно»; «крови пролитье»; «побити напрасно умышленьем»; «напрасная смерть»; «побити за посмех по недружбе». При этом в действиях «починщиков» фиксировалось наличие злого умысла («умышление»).

Мотивация погромщиков в конечном счете сводится к мародерству, к стремлению убить (избить), а затем обобрать («побрать»): «почал бити... прибил до смерти, и на подвор(ь)е... животы розграбили, *взял*... у да y_1 , да y_2 , да и y_3 ... *всѣ он* побрал» (л. 32). Ограбление могло сопровождаться уничтожением и бессмысленной порчей имущества жертвы: «на Михайлов двор Битиговскоз(о) пошли *всѣ люди* миром и Михайлов двор розграбили, и *пит(ь)е* из погреба в бочках выпив, и бочки кололи, да с Михайлова *ж* двора *взяли* Михайловых лошадеи девятеро, и *отвели* их к ц(а)р(и)це на конюшню» (л. 33). Факты изуверства и погрома ради устрашения выражены в оборотах «почал бити... прибил до смерти», «*пит(ь)е* выпив... бочки кололи», «розстреляв, в воду посадили», «в ров пометали» и др.

Следователи Шуйского получили в Угличе обширный материал, свидетельствующий о том, что «измена» Нагих касалась (кроме собственно «крови пролитья», грабежей и разбоя) целого ряда составов преступления, которые определялись Судебником 1550 г. как «бесчестье», «увечье» (ст. 26. – Судебники 1952. С. 148). Сохранившиеся документы угличского обыска рисуют яркие картины запугивания и устрашения мучителями своих жертв, причинения им глубоких нравственных страданий. Нагие и их приспешники нуждались в психологическом доминировании в Угличе, улицы которого вдруг наполнились страхом. Кошмар «лихого дела» постепенно расплзался за пределами Кремля, поселялся «на подворьишках», заставлял людей бежать из Углича, скрываться, прятаться в лесу.

Акции запугивания начались сразу же после гибели царевича. Страдания избитой до полусмерти Василисы Волоховой были усилены распоряжением царицы обесчестить ее у себя на глазах

и прямо на месте гибели царевича, что придает этому действию едва ли не ритуальный характер: «И ц(а)р(и)ца... Мар(ь)я велѣла еѣ, Василису, *всяти* посадцким людем, и мужики... еѣ *всяли* и еѣ *ободрали* и простоволосу еѣ держали перед ц(а)р(и)цею...» (л. 12). Уже потом, когда Василису отволокли на площадь перед церковью св. Спаса, ее холоп не смог вынести вида поруганной госпожи и прикрыл ее голову своей шапкой. За этот жест глубочайшего сочувствия и жалости он немедленно был растерзан толпой: «...увидел Василису, что она простоволоса *стоит*, и он на неѣ положил свою шапку, и посадцкие люди *са* то его *убили* до *смерти*» (л. 12).

Насмерть перепуганную Авдотью Битяговскую, еще, вероятно, ничего не знающую о трагической судьбе своих мужа и сына, а потому не отдающую себе отчет в причинах разнузданного поведения толпы у себя в доме, «*ободра*¹⁵, нагу и простоволосу поволокли на двор». Авдотья Битяговская и, возможно, ее дочери были подвергнуты унижению публичным раздеванием у себя в доме, что должно было подчеркнуть ощущения незащищенности, страха, стыда и полной беспомощности даже там, где человек обычно чувствует себя в полной безопасности. Страдания раздетой и лишенной головного убора женщины¹⁶ усиливались тревогой за двух ее дочерей, ибо Битяговскую выволокли с подворья «с... дѣтишками». «Детишки» – дочери Евдокия («Дунька») и Марья («Манька») едва ли были очень маленькими. Во всяком случае, челобитная Битяговской составлена от лица всех троих, и ее дочери в ней названы поименно¹⁷. Однако страх за жизнь и честь молоденьких девушек, стоявших, вероятно, также раздетыми перед толпой озверелых мужчин, должен был быть у их матери едва переносимым.

Акции запугивания потенциальных жертв и тех, кто был готов или мог оказать хоть какое-то сопротивление погромщикам, вы-

¹⁵ В значении: *раздев, оголив, обнажив, порвав одежду* (см.: СРЯ. 1987. Вып. 12. С. 99, 114).

¹⁶ Ст. 26 Судебника 1550 г. вводит наказание за бесчестье. Штраф за бесчестье жены уплачивался вдвое против бесчестья ее мужа. Закон предусматривал и наказание за оскорбление действием, дошедшее до причинения увечья, правда, в самой общей форме (см.: Судебники 1952. С. 148).

¹⁷ Юридическое соавторство матери и дочерей позволяет думать, что Дунька и Манька Битяговские были старше 7–8 лет – возраста, когда юноши и девушки обычно становились субъектом и объектом права (см. об этом: Развитие русского права 1986. С. 158).

разились, в том числе, в глумлении над трупами. Над растерзанным телом Осипа Волохова его убийцы «холкают», как охотники над зайцем (л. 12). «Побитые» не погребены, а их тела как мусор сброшены в ров: «на дворѣ многие люди посадцкие и всякие да таскают с двора Михаила Битяговскоз(о) и с(ы)на ево Данила и многих людей мертвых в овраг...» (л. 31); «а побив тѣхъ люди, в ров велѣл пометат(ь)...» (л. 9). Опасаясь за свою жизнь, угличане предпочитали поодиночке скрываться по своим подворьям, бежать из Углича, прятаться в лесу и не показываться «в городе» («...и они сказали: „Вам деи ѿт нас то же будет“. И мы с тоз(о) страху розбежалис(ь) розно и в город ходити не смѣли» (л. 37); «ходили [по] лесу, а в город итит(ь) не смѣли» (л. 44)). На второй день мятежа угрозы и брань («гроза и лая») обрушились на посошного сборщика, которому угрожали смертью: «чего де тебѣ здѣся дожит(ь), того л(ь) деи дождаем(ь)ся, что и тебя с тѣми ж побитыми люд(ь)ми вмѣсте положити» (л. 9). Посошный сборщик не смог собрать людей, а потому продолжал оставаться в Угличе. Михаил Нагой счел это подозрительным, обнаружив в сборщике едва ли не шпиона. Нагой попытался выдворить его за пределы Углича, послав к нему «ч(е)л(о)в(е)ка своего... с грозою и с лаею» Вероятно, после этого посошный сборщик предпочел сбежать, полагая потом, что его «...искали и хотѣли по тому ж убити» (л. 10). Вербальная агрессия («гроза и лая») оказывалась еще одним (и весьма действенным) средством унижения и запугивания жертв угличской «измены» Нагими и послушными им людьми.

Избитые и ограбленные «починщиками» угличане помещались под стражу, заключались в тюрьму, лишались свободы передвижения. Так, посадские люди «Михаилкову жену и дочери держали у Спаса, а Осипову мать Волохова посадили в полату са сторожи» (л. 18); «а... Михаилковых людей Битяговского в тюрьму посажали» (л. 9). Истомку Батусова сначала едва не забили до смерти, а потом ограбили и «посадили в тюрьму» (л. 43). Жертв мятежа «брали», «держали», «не пускали», «сажали»: «велѣла... всяти... еѣ всяти и еѣ ѿбодрали и... еѣ держали...» (л. 12); «и он ся запер и в колокол(ь)ню его не пустил» (л. 16а); «...и посадцкие люди Михаилкову жену и дочери держали у Спаса, а Осипову мать Волохова посадили в полату са сторожи» (л. 18) и др.

Низменные мотивы (причинение нравственных страданий заведомо беспомощной жертве, издевательства, глумление и даже садизм) присутствуют едва ли не у всех участников «мятежа На-

гих) – от его «вождей» до толпы. В стремлении обнажить жертву, сорвать с нее одежду и головной убор, в полной мере проявились жестокость насилия с демонстрацией собственного доминирования. Убийство «за посмех»¹⁸, «по недружбе»¹⁹, «волочение» беспомощной жертвы на расправу (отец и сын Битяговские, Осип Волохов), разграбление имущества жертвы (Битяговские), унижение обнажением (Василиса Волохова и Авдотья Битяговская), убийство сына на глазах матери (Волоховы), издевательство над трупами, подкрепленные угрозой насилия («вам *от нас* то же будет»: л. 37), были способами не только физического, но и психического воздействия. Будучи примененными в Угличе, они не только низводили жертву в ранг абсолютной покорности и зависимости от агрессора, но и в максимальной степени причиняли ей моральные и физические страдания, лишали ее воли и способности сопротивляться.

В этом смысле показательна казнь юродивой на второй день мятежа, которая была не более чем изуверством ради устрашения. Умерщвление производилось по распоряжению Марии Нагой, утверждавшей, что «женочка уродливая», которую до сих пор привечали при дворе «для потехи», царевича «портила». Расправе над юродивой, по-видимому, предшествовало целое действие, ибо царица приказала заведомо беспомощную жертву не просто «изымать», а «добыть». «Добывание» не могло не предполагать каких-то розыскных мероприятий, ареста, конвоирования «женочки» к месту казни, осуществленных, вероятно, при полном стечении народа. Нет никаких свидетельств о том, как это было сделано, хотя в контексте происходящего в Угличе 15–18 мая 1591 г. нельзя не думать, что каждый этап «добывания» и умерщвления «женочки» был обставлен с особой жестокостью. Изуверские казни, направленные не только на усиление страданий жертвы, но и на удовлетворение самых низменных инстинктов убийцы (доминирование над беззащитным и слабым), известны с глубокой древности (Канторович 1991. С. 161–221, особенно с. 178–180; Маневич, Шахов. С. 171–191). В определенном смысле такие казни, производимые на глазах испуганной и любопытствующей толпы, будоражили воображение не только

---

¹⁸ В значении *в насмешку, издеваясь* (Срезневский 1989. Т. 2, ч. 2. Стб. 1249).

¹⁹ В значении *из вражды, неприязни, недоброжелательства* (СРЯ. 1986. Вып. 11. С. 107–108).

палачей, но и пассивных созерцателей, пробуждая в них одновременно первобытный интерес и животный страх за собственные жизни. Изуверские способы казней (кроме обезглавливания и повешения), столь любимые Иваном Грозным, готовы были применить к своим истинным и мнимым врагам и Нагие. Расстрел с последующим утоплением несчастной юродивой лишил ее посмертной обрядности, в том числе – погребения, а потому был особенно страшным и жестоким, и, вследствие этого, впечатляющим и назидательным для оставшихся в живых.

Следственные мероприятия производились, скорее всего, под открытым небом, вероятно, на площади перед Спасским собором. При этом какая-то часть следственных действий (допросы) осуществлялась в присутствии царицы²⁰ и при значительном скоплении народа. Публичное ведение следствия, безусловно, затрудняла фальсификации показаний. Усложнялась и возможность давления на допрашиваемых. Однако то, что свидетели не были разобщены, могли слышать показания друг друга и разговаривать между собой, не способствовало объективности процесса и допускало вероятность сговора (Кобрин 1992. С. 106).

Распоряжения комиссии Шуйского о приводе на допрос свидетелей и подозреваемых фиксировались специальной записью в деле. Приказ о приводе, вероятно, отдававшийся изустно, предполагал употребление глаголов «велети» и «поставити». В деле зафиксированы либо сам факт дачи распоряжения о приводе на допрос (в формуле «велели поставить перед собою...»), «...и ту то *ж* у ропросу... перед X , да перед X_1 , да перед X_2 ... X_3 изымал...»), либо факт уже состоявшегося допроса (в формуле «и спрашивали...», «и спросили...»). Сохранилось девять таких записей: 1) «И тово *ж* дни, мая в 19 *де*(нь), в вечеру, приѣхали на Углич князь(ь) Василеи, и Ондръи, и Елисарей и [рас]прашивали Михаила Нагово...» (л. 2); 2) «И тово *ж* ч(а)су кн(я)зь Василеи, и Ондръи, и Елисарей велѣли поставити Григор(ь)я Нагово и Михайлова ч(е)л(о)в(е)ка Нагово Бориска Оюнас(ь)ева...» (л. 4); 3) «И князь(ь) Василеи и Ондреи, и Елизарей спросили городовоз(о) приказщика Русина Ракова...»

²⁰ Вероятно, в присутствии царицы проходили только первые допросы, главным образом те, которые касались показаний важнейших свидетелей гибели царевича, т.е. мамки, няньки, постельницы и мальчиков-жильцов. Остро заболев 16–19 мая, переживая в течение первых двух недель болезни неуклонное ухудшение своего состояния и не получая адекватного медицинского пособия, царица, скорее всего, слегла и не могла более принимать участия в следственных мероприятиях.

(л. 1); 4) «Да княз(ь) Василеи *ж*, и Ондрѣи, и Елизареи велѣл(и) поставити перед собою вдову Василису Волохову и жилцовъ, которые были с ц(а)р(е)вичемъ, Петрушку Колобова, Бажѣнка Тучкова, Ивашка Красенского, Гришку Козло[в]ского» (л. 5а); 5) «И кн(я)з(ь) Василеи, и Ондрѣи, и Елизареи кормилицу Орину и постелицу Самоилову жену Колобова Марью розпрашивали перед ц(а)р(и)цею у церкви...» (л. 14); 6) «И кн(я)з(ь) Василеи, и Ондрѣи, и Елизареи в(ы)спрашевали Ондreja Нагово...» (л. 14); 7) «И княз(ь) Василеи, и [Онд]рѣи, и Елизареи велѣли поставити перед собою вдового попа Огурца» (л. 15); 8) «И княз(ь) Василеи, и Ондрѣи, и Елизареи велѣли поставити архимарита воскресенскаго Федорита, да игумена олексеѣвског(о) Саватѣю и дворовых ц(а)р(и)цыных людей ключников, и стряпчихъ, и всяких дворовых людей...» (л. 17); 9) «И ту то *ж* у роспросу на дворѣ перед кн(я)семъ Васил(ь)ем, да перед Ондрѣемъ, да перед Елизаремъ Михайлов пищик Битеговског(о) Степанко Корякин изымал на дворѣ Конюшенног(о) приказщика Михаила Григорьева» (л. 32). Явно утрачена запись о приводе на допрос спасского соборного попа Степана, расспросные речи которого зафиксированы на л. 10а. Очень вероятно, что фигуранты дела вызывались на допрос из числа лиц, заранее доставленных «на двор». До вызова они должны были ожидать своей очереди среди таких же допрашиваемых, которые («изымались») и доставлялись поодиночке и группами.

Если это так, то слово «изымати» в записи о приводе на допрос Михаила Григорьева следует трактовать как вызов его из числа уже находящихся у Спасского собора людей. Иными словами, тех, кто должен был давать показания, заранее приводили к месту допроса, а затем «изымали» из толпы непосредственно на допрос. Подобные «изъятия» невозможны без предварительно составленного списка.

Однако, скорее всего, глагол «изымати» означал своего рода задержание с последующим приводом «на двор», где заседала комиссия. Иначе трудно понять, как проходило «изъятие» одного из убийц дьяка Битяговского – «конюшенного приказщика» Михаила Григорьева писчиком (младшим писарем: СРЯ. 1989. Вып. 15. С. 56) Степаном Корякиным («...ту то *ж* у роспросу на дворѣ... Степанко Корякин изымал на дворѣ... Михаила Григорьева...» (л. 33)). Из приведенного фрагмента остается неясным, в каком месте происходило «изъятие» конюха: на том же «дворе», где велся допрос или на каком-то ином? Возможно, что писец,

фиксирующий допрос Михаила Григорьева, допустил ошибку и вместо правильного «исымал [у него] на дворѣ» (т.е. взял убийцу у него дома) написал «исымал на дворѣ». В таком контексте становятся понятны слова писчика о том, что в спешке («во торопех») он «...не помнит, была ли у Данилка сабля или не была» (л. 34): «изымая» Михаила Григорьева на его подворье, он не заметил в его доме украденной у Битяговских сабли. Скорее всего, извет Степана Карякина появился из-за украденной сабли, вопрос о которой заинтересовал следователей: это единственная в деле запись, проливающая свет на обстоятельства доставки подозреваемого на допрос. Если предложенная нами интерпретация верна, то можно думать, что за вызов и привод на следствие подозреваемого отвечал младший писарь («писчик»), сверяясь, вероятно, с каким-то заранее составленным списком подсудимых²¹. Писчик не мог действовать в одиночку. Вероятно, «изъятие» подозреваемых и свидетелей со своих подворий производилось писчиками под контролем приставов, которые сопровождали подсудимого к месту проведения допросов (т.е. к площади перед Спасским собором). Разумеется, это только предположение, базирующееся на допущении о неточности в записи расспроса конюха. Однако материалы следствия содержат недвусмысленные данные о том, что какие-то списки, на основании которых угличане вызывались к допросу, все-таки существовали. Попробуем это доказать.

Сохранившиеся материалы угличского дела ярко демонстрируют, что способы ведения «обыска» определялись самим ходом дознания. Комиссия В.И. Шуйского использовала два процессуальных действия – допрос и очную ставку. В индивидуальном порядке были допрошены Михаил, Григорий и Андрей Александрович Нагие, Борис Афанасьев, Русин Раков, поп Степан, Василиса Волохова, Арина Тучкова, Мария Колобова, Федот Огурец, архимандрит Феодорит, игумен Давыд, игумен Савватий, поп Богдан, а также Кирилл Моховиков и губной староста Иван Муранов, т.е. всего 16 человек. Показания одного свидетеля (или

²¹ Впрочем, не исключено, что Карякин, как считают исследователи, опознал Михаила Григорьева в толпе во время допроса и выдал его следствию как убийцу. Однако такая версия кажется нам маловероятной. Не ясно, почему убийца Битяговского оказался таким беспечным, что по своей воле встал среди любопытных, пришедших наблюдать за ходом следствия, и даже не попытался укрыться (см., например: Кобрин 1992. С. 106; Богданов 1999. С. 224).

одной группы свидетелей) требовали вызова на допрос все новых и новых участников событий 15–18 мая. Так, Русин Раков для доказательства правоты своих слов о том, что «*Михаило Нагои запираетца*», просил допросить («...велит[е] поставить») Григория Нагого и Бориса Офонасьева, «*Михаилова ч(е)л(о)в(е)ка Нагово*», что и было сделано «*тово ж ч(а)су*» (л. 4).

Сразу же по прибытии комиссии В.И. Шуйского были допрошены Михаил и Григорий Нагие. Дата допроса Михаила прямо указана в его расспросных речах: «...и тово *ж* дни, *маия* в 19 *де*(нь), в вечеру, приѣхали на Углич княз(ь) Василеи, и Ондрѣи, и Елисареи и [рас]прашивали Михаила Нагово...». Григорий Нагой в своих показаниях заметил, что положение оружия на тела побитых произошло «вчерась... во вторник», следовательно, так же как и брат, он предстал перед Следственной комиссией на следующий после этого день, в среду 19 мая. Однако в показаниях Григория Нагого о мистификациях с оружием и куриной кровью была допущена неточность, и вместо правильного 18 мая, которое в 1591 г. действительно пришлось на вторник, в них было указано 19 мая, которое было средой («вчерас(ь)... во вторник, *маия* въ 19 *д(е)н(ь)* брат ево, *Михаило* Нагои, велѣл городовому приказщику Русину Ракову забирати ножи и велѣл куряч(ь)ю кров(ь)ю кровавити...»). Григория Нагого комиссия В.И. Шуйского вызывала на допрос и 20 мая. На обороте его расспросных речей, датированных 20 мая, имеются рукоприкладства архимандрита Феодорита и попа Богдана, причем о Феодорите сказано: «А в тѣ поры был у спросу воскресенского архимарит *Феодорит* и к тѣм рѣчем и [руку приложи]л». Из этого следует, что Феодорит и Богдан были допрошены 20 мая, точнее – не позднее 20 мая 1591 г.

Процедуру коллективного (группового) допроса, предусмотренную ст. 15 Судебника 1550 г. о солидарной ответственности сторон, согласно материалам Угличского дела формально прошли не менее 102 человек: 1) истопники Юшка Григорьев, Борис Яковлев, Михаил Воробьев, Костя Ватутин; 2) царицыны дети боярские Иван Лошаков, Самойло Колобов, Смирной Горотчиков, Иван Нагин; 3) жильцы Петруша Колобов, Бажен Тучков, Иван Красенский, Гриша Козловский; 4) подключники Артемий Ларионов, Юрий Иванов, Яков Гнидин; 5) сенные сторожа Макар Семенов, Митька Тимофеев, Тимошка Ондронов, Гриша Онаньин, Якуш Климентьев, Карпуня Микитин, Созон Иванов, Юдка Исаев, Тренька Иванов; 6) сытные сторожа Тренка Игнатьев, Иван-

ко Окулов, Иванко Оникеев, укусник Ульянко Якимов и свечник Гриша Иванов; 7) конюхи Федор Остафьев, Богдан Офремов и Федор Васильев; 8) подьячие Третьяк Десятый, Васюк Михайлов, Терешка Ларионов, а также пищики Иван Ежов и Марк Бабкин; 9) повара Сергейка Никитин, Федор Щелин, Андриюша Михайлов, Ивашка Никитин, помясы Сенка Андреев, Митя Худоша, Гриша Дементьев, Гриша Филипов, скатерник Сава Иванов, а также сторожа Панко Савельев и Ивашка Чюча; 10) добрые посадские люди Иван Пашин и Василий Буторин; 11) хлебники Назар Нагибин, Гриша Нагибин, Васка Комаров, Ивашко Волк Пищулин, Ивашко Портаев, помясы Михейко Логинов, Юшка Дмитриев и Шестак Коломин; 12) сторожа Хлебного дворца Обросим Исаков, Федка Бутаков и курятник Исач Бебенин; 13) посошный человек Гриша Толстой Максимов и 40 человек посошных.

К этому числу (102) следует добавить еще одну группу из пяти человек (группа № 14), в которую входили три сытника, стряпчий и писчик Кормового и Хлебного дворца, а именно Михаил Меншиков, Немир Бурков, Кирилл Моховиков, Суббота Протопопов и Алеша Офонасьев. Судя по материалам дела, вначале их вызвали и опросили группой. Допрос выявил важных свидетелей – Семейку Юдина, Кирилла Моховикова и Григория Тулубеева, которые затем были проведены через процедуру очной ставки. Таким образом, в группах были допрошены не менее 107 человек.

При записи показаний использовались заданные шаблоны и речевые штампы, способствовавшие ускорению записи допросов. Протоколирование расспросных речей в современном смысле слова не велось и вряд ли можно ожидать, что показания свидетелей и участников событий воспроизведены в Следственном деле дословно. Однако живая речь свидетелей и участников событий в деле в ряде случаев все-таки сохранилась, о чем свидетельствует употребление личных местоимений в форме 1-го и 2-го лица: «я», «мы», «меня», «мне», «тебе», а также притяжательных местоимений «мой», «наш» и возвратного местоимения «себя». Запись вопросов следователей предполагала употребление вопросительной частицы «ли» («ль», «лы»): «были ли...?», «давал ли...?» или предполагала построение вопросительных конструкций типа «для чего...?» («для он чего?»), «которым обычаем...?», «как...?», «что ему...?», «чего...?», «против ково...?». Для передачи

речи допрашиваемых использовались конструкции с частицей «де», «деи» (*дескать, мол*): «... а вчерась де...», «а деи звонить учал...», «для того, что де будто» и др. При записи допросов (чаще коллективных, чем индивидуальных) в формуле «сказал, что...», «сказали, что...», «сказал в розпросе, что...» вводился обобщенный пересказ основного содержания показаний. Наиболее значимые показания (М.Ф. и Г.Ф. Нагих, В. Волоховой, Р. Ракова и др.) фиксировались в форме прямой речи и вводились оборотом: «сказали», «в ро[з]просе сказал» и т.п. В целом же допросы документировались таким образом, чтобы максимально формализовать эту процедуру. Сведения, содержащиеся в показаниях, обобщались, давались в извлечениях и пересказе, форма 1-го лица при записи «речей» заменялась 3-м, вводились речевые шаблоны («и он себя поколол ножом сам», «набрушился на нож», «и пришла на него болезнь» и др.: Полосин 1963. С. 230). В этом смысле показательна запись распросных речей ребят-жильцов. Свидетельствования Петруши Колобова даны в ней в пересказе, содержащем оборот «...да постельница Самойлова жена Колобова Марья...». Безусловно, сам он так определить свою мать не мог (Там же).

Следственная комиссия прибегала к процедуре очной ставки (ставила «с очей на очи»), когда показания свидетелей нуждались в детализации и уточнениях. Очная ставка представляла собой поочередный допрос лиц, которые допрашивались ранее, но в показаниях которых были выявлены противоречия или установлены новые факты. Во время очной ставки допрашиваемые излагали свои показания по очереди, в результате чего достигалось столкновение расходящихся показаний и их авторов. Участники очной ставки опровергали показания друг друга, подтверждали их, давали дополнительные показания по делу. Каждая из сторон настаивала на своих показаниях, поэтому вряд ли следственная комиссия Шуйского в результате очной ставки получала неопровержимые доказательства истины. Прибегая к процедуре очной ставки, московские следователи пытались изобличать лживые показания и устранить противоречия в показаниях сторон.

За время работы комиссии в Угличе было произведено не менее 6 очных ставок: 1) между Михаилом Нагим и Русином Раковым; 2) между Субботой Протопоповым и Федотом Огурцом; 3) между Григорием Тулубеевым, Семейкой Юдиным, Ки-

риллом Моховиковым, Немиром Бурковым и Михаилом Меншиковым, Субботой Протопоповым, Тимошкой Мандрыкиным, Андрюшкой Афанасьевым; 4) между Семейкой Юдиным и Григорием Тулубеевым; 5) между Григорием Нагим и Борисом Афанасьевым; 6) Григорием Нагим, Борисом Афанасьевым и Русином Раковым. Всего в ходе очных ставок были получены показания 13 человек, из них 6 (Михаил Нагой, Григорий Нагой, Русин Раков, Федот Огурец, Кирилл Моховиков и Борис Афанасьев) допрашивались и в индивидуальном порядке, а 7 – только во время проведения процедуры очной ставки (Суббота Протопопов, Григорий Тулубеев, Семейка Юдин, Немир Бурков, Михаил Меншиков, Тимошка Мандрыкин, Андрюшка Афанасьев). Еще пятеро – Михаил Меншиков, Немир Бурков, Кирилл Моховиков, Суббота Протопопов и Алеша Офонасьев – предварительно были допрошены группой, а затем в разных комбинациях поставлены «с очей на очи».

Допрос сытников Михаила Меншикова и Немира Буркова, а также стряпчего Субботы Протопопова и пищика Алеша Афанасьева неожиданно определил круг новых свидетелей среди дворовых. Ими оказались Григорий Тулубеев, Кирилл Моховиков, Семейка Юдин и Тимошка Мандрыкин. Между ними была произведена очная ставка («с очей на очи став, сказали...»), в ходе которой выяснилось, что Семейка Юдин был непосредственным свидетелем трагедии 15 мая, наряду с ребятами-жильцами, мамкой, нянькой и постельницей. Вероятно, он проговорился Григорию Тулубееву, что случайно оказался свидетелем гибели Дмитрия. Толубеев показал, что прислуживая во время обеда Нагих и стоя «у поставца», Юдин наблюдал за игрой царевича из окна и увидел, как погиб мальчик: на царевича Дмитрия «...пришла... немоч(ь) падучая, и бросило ево ѿ землю, и било ег(о) долго, и ѿн накололся ножем самъ». Семейка Юдин «в роспросе, с Григор(ь)емъ с Тулубѣевым, с очей на ѿчи» подтвердил, что «в тѣ поры стоял у поставца, а то видел». В ходе той же очной ставки сытник Кирилл Моховиков раскрыл важные обстоятельства гибели Михаила Битяговского и назвал имена «починщиков» угличского погрома (Ляпун, Микита Гунбин, Степан Полуехтов, Иван Тимофеев и Тихон Быков). Показаний Тимошки Мандрыкина в Следственном деле (в том виде, в каком оно сохранилось) нет.

А.П. Богданов полагал, что «Юдин солгал и, думается, не без давления со стороны Шуйского со товарищи, инсценировавших

здесь инквизиционный процесс». Исследователь считал, что раз за поставцом кроме Семейки Юдина стояли еще три человека, то видеть происходившее во дворе из окна также должны были все четверо: «За поставцом с Юдиным стояли еще три человека и они, несмотря на то, что царевича “было долго”, ничего не видели! Версию о самозаклании сообщил всем им (и Юдину) прибежавший со двора жилец Петрушка Колобов...» (Богданов 1999. С. 238). Эти заключения Богданова представляются нам совершенно произвольными, где одно допущение порождает другие. Мы никогда не узнаем, в каком положении относительно окна стояли Юдин, Моховиков, Тулубеев и Мандрыкин (спиной, лицом или боком), что каждый из них в этот момент делал (переговаривались ли они между собой или стояли молча, доставали что-то из поставца или были заняты каким-то другим делом) и почему в сторону окна посмотрел только один из них – Семейка Юдин. Очевидно одно: у нас нет никаких оснований усомниться в правдивости его показаний. Даже то, что Юдин не спешил рассказать об увиденном и проговорился в конце концов только Григорию Тулубееву, не ставит его слова под сомнения. Какие опасения и страхи заставляли его молчать, можно только догадываться, но жестокие реалии времени, в котором жил Юдин, явно не способствовали его разговорчивости. Держать язык за зубами, как показали события 15–18 мая, было куда безопаснее.

Итак, наряду с 16 допросами, произведенными в индивидуальном порядке, следователи В.И. Шуйского провели не менее 14-ти коллективных допросов и 6-ти очных ставок. Угличский обыск носил характер повального, т.е. к расследованию должно было быть привлечено максимальное число возможных свидетелей и участников событий 15–18 мая. Первым делом были допрошены те, чьи показания могли иметь решающее значение в расследовании дела: Михаил, Григорий и Андрей Нагие, а также непосредственные свидетели гибели царевича (мамка, нянька, постельница и «робятки жильцы»). Подозреваемые и наиболее важные свидетели (кроме жильцов) допрашивались в индивидуальном порядке. Расхождения их показаний с показаниями других подследственных инициировали проведение процедуры очной ставки.

В Следственном деле четко обозначены группы подследственных, прошедших процедуру коллективного допроса: 1) ис-

топники; 2) царицны дети боярские; 3) жильцы; 4) подлючники; 5) сенные сторожа; 6) сытные сторожа; 7) конюхи; 8) подьячие и писчики; 9) повара, помясы, скатертник и сторожа; 10) добрые посадские люди; 11) хлебники и помясы; 12) сторожа Хлебного дворца и курятника; 13) посошные люди; 14) сытники, стряпчий и писчик Кормового и Хлебного дворца. В первую очередь группами допрашивались слуги, обслуживавшие дворцовое хозяйство Нагих, и особенно те из них, кто был занят в подготовке рокового обеда 15 мая (группы № 1, 4, 5, 6, 9, 11, 14). Кроме того, были допрошены подьячие и пищики Дьячей избы, работавшие под началом у Михаила Битяговского (вся группа № 8). Коллективные допросы предполагали присутствие перед комиссией Шуйского всех подследственных или их представителей в рамках группы. Показания от имени группы давал один, реже два человека, и совсем исключительными были случаи, когда в рамках одной группы свидетелей выслушивались и фиксировались показания трех и более лиц. Часть коллективных показаний сопровождается рукоприкладствами: Ивана Лошакова (группа № 2); Артемия Ларионова и Юрия Иванова (группа № 4); Васюка Михайлова, Терешки Ларионова и Марка Бабкина (группа № 8); Михаила Меншикова, Тимофея Мандрыкина, Немира Буркова, Алексея Афанасьева (группа № 14). Вероятно, рукоприкладства оставляли те, кто от имени группы отвечал перед комиссией. Кроме того, рукоприкладства должны были делаться в беловых копиях расспросных речей, поэтому вероятно, что не перебеленные тексты допросов именами свидетелей не подписывались.

Таблица 2

Особенности документирования коллективных допросов

Группа лиц, прошедших процедуру коллективного допроса	Допрошенные (в порядке упоминания имен в Следственном деле)	Формулы, в которых вводятся обобщающие пересказы расспросных речей	Лица, чьи показания в рамках коллективного допроса фиксировались особо	Рукоприкладства
1	Ю.Григорьев, Б.Яковлев, М.Воробьев, К.Вагутин	«В розпросе сказали: «мы деи были...»»	-	-

2	И.Лошаков, С.Колобов, С.Горотчиков, И.Нагин	«Сказали в роспро- се...», «...и они разбе- жались...»	И.Лошаков (?)	И.Лошаков
3	П.Колобов, Б.Тучков, И.Красенский, Г.Козловский	«А жилцы цареви- чевы... сказали...»; «И жилцы Петрушка Колобов с товарищи сказали...»	П.Колобов	-
4	А.Ларионов, Ю.Иванов, Я.Гнидин	«...сказали в роспро- се: стояли деи мы вверху...»; «Да они ж сказали...»	А.Ларионов (?), Ю.Иванов (?)	А.Ларионов, Ю.Иванов
5	М.Семенов, М.Тимофеев, Т.Ондронов, Г.Онаньин, Я.Климентьев, К.Микитин, С.Иванов, Ю.Исаев, Т.Иванов	«Сказали...», «...сказа- ли в розспросе...»	-	-
6	Т.Игнатъев, И.Окулов, И.Оникеев, У.Якимов, Г.Иванов	«...в розспросе сказа- ли...»	-	-
7	Ф.Остафьев, Б.Офремов, Ф.Васильев	«Сказали...», «...были деи мы... и послышели, да прибежали»; «...емя слышели...»; «сказал в розспросе, что ево дома не было, а был...»; «по- били без него...», «он слышел...»	Ф.Васильев	-
8	Т.Десятый, В.Михайлов, Т.Ларионов, И.Ежов, М.Бабкин	«а мы...», «и мы», «и я, Третьячко...»	Т.Десятый	В.Михайлов, Т.Ларионов, М.Бабкин
9	С.Никитин, Ф.Щелин, А.Михайлов, И.Никитин, С.Андреев, М.Худоша, Г.Дементьев, Г.Филипов, С.Иванов, П.Савельев, И.Чюча	«сказали в розпро- се...», «а мы деи... стряпали»	-	-

10	И.Пашин, В.Буторин	«и мы... сказали в ропросе ...», «были они..., а съехали..., заслышали..., не пошли...», «а за ними гонило...», «...мы сведали..., и мы приш- ли...»	-	-
11	Н.Нагибин, Г.Нагибин, В.Комаров, И.Волк Пищулин, И.Портаев, М.Логинов, Ю.Дмитриев, Ш.Коломин	«...сказали в роспро- се...», «а мы деи... стряпали»	-	-
12	О.Исаков, Ф.Бутаков, И.Бегенин	«сказали... те же речи, что сказали хлебники и помясы...»	-	-
13	Г.Толстой Максимов и 40 человек посошных	«сказали в розпросе», «и они прибежали...», «и они почали...»	Г.Толстой Мак- симов	-
14	М.Меншиков, Т.Мандрыкин, С.Протопопов, Н.Бурков, А.Афанасьев	«...мы деи в те поры на дворе не были, а слышали...»		М.Меншиков, Н.Бурков, А.Афанасьев

Обращает на себя внимание, что почерки рукоприкладств Васюка Михайлова, Терешки Ларионова и Марка Бабкина идентичны почеркам, какими записаны сами речи свидетелей в деле. А.П. Богданов идентифицирует эти почерки как почерки писцов Угличского дела: *писца № II* (Васюк Михайлов; у Богданова ошибочно назван Терентием Михайловым), *писец № V* (Терешка Ларионов; у Богданова ошибочно назван Васюком Михайловым) и *писец № VIII* (Марк Бабкин). На основании этой идентификации и со ссылкой на наблюдения Б.М. Клосса, А.П. Богданов делает вывод о том, что Михайлов, Ларионов и Бабкин были писцами комиссии Шуйского. Базируясь на этом весьма странном допущении, исследователь заключает: «Поскольку другие подьячие и “пищики” не были опрошены с этой группой, а давали показания либо до (скл. 40), либо после них (скл. 38), а число вместе дававших показания дельцов в точности соответствует оставшимся неатрибутированными почерков помощников Обыскной комиссии, мы можем с уверенностью сделать вывод,

что перед нами вся искомая группа писцов. На долю Т. Десятого и И. Ежева остаются почерка № 4 и 6...» (Богданов 1999. С. 220). Это заключение представляется нам весьма сомнительным, и мы к нему еще вернемся.

Обращает на себя внимание, что в деле отсутствуют рукоприкладства ключевых фигур в событиях в Угличе – Михаила Нагого и Русина Ракова. Если подпись Ракова можно полагать утраченной вместе с какими-то записями его допросных речей (а они, как известно, сохранились не полностью вследствие сильной деформации начала Следственного дела), то объяснять только предполагаемыми утратами отсутствие рукоприкладства М.Ф. Нагого недостаточно и даже недопустимо. С.Б. Веселовский предположил, что Михаил Нагой вообще не оставлял автографа на записях своих показаний: «Действительно, под чем ему было подписываться, когда он на все вопросы следователей отперся начисто, а по вопросу о смерти царевича не сказал ничего. Вполне возможно, что следователи при таких условиях и не нашли нужным просить М[ихаила] Нагого подписаться под его речами, так как рукоприкладство допрашиваемых лиц к своим сказкам (как и челобитчиков к челобитным) вовсе не было безусловным требованием приказного делопроизводства» (Веселовский 1978. С. 177–178).

Робятки-жильцы вызывались к допросу и допрашивались в тот же день, что и Василиса Волохова: «...велѣл(и) поставити перед собою вдову Василису Волохову и жильцовъ...». Допрашивались ли Волохова и жильцы так же как Тучкова и Колобова перед царицей, не ясно. Однако очень вероятно, что все они как непосредственные свидетели гибели царевича должны были давать показания в один день.

Конюх Федор Васильев в отличие от двух других допрошенных конюхов (Федора Остафьева и Богдана Орефьева), бывших на конюшне, в момент трагедии оказался «на пустоши». Несмотря на то, что ничего существенного о гибели царевича и побитии Битяговского он сообщить не мог («побили без него»), его показания были записаны отдельно от показаний Остафьева и Орефьева. Последние, согласно их собственному признанию, прибежали на двор, когда «на дворѣ многие люди посадские и всякие да таскают с двора Михаила Битяговског(о) и с(ы)на ево Данила и многих людей мертвых в овраг...», а потому ничего «не вѣдают». Несмотря на бес-

полезность этих свидетельств для общего дознания, показания Федора Остафьева и Богдана Орефьева были записаны отдельно от показаний Федора Васильева.

Проведение допросов группами, сформированными по «профессиональной» принадлежности подследственных, не могло состояться без предварительно составленных списков. Вероятно, подготовка таковых входила в компетенцию Григория Васильевича Темира Засецкого. Не только сам факт приезда столичного пристава в Углич, но и начатые им действия, связанные с установлением круга лиц, могущих дать показания по делу о гибели царевича и «измене Нагих», побудили братьев Нагих спешно заняться фальсификацией улики. Под покровом ночи, оккупировав разоренную Дьячьей избу, они отдавали распоряжение резать курицу и отправляли своих людей в ставший братской могилой ров, чтобы «кропить» куриной кровью оружие, брошенное на тела «побитых» 15 мая. Приезд Засецкого во главе отряда московских стрельцов означал подготовку к следствию²², и Нагие фабриковали улики: «...как приѣхал Темир Засѣцкой во ѳторникъ в вечеру на Угльчъ, и Михаило Нагой учал говорити, чтоб ножи собрати да положить на тѣхъ побитыхъ люди».

К сожалению, материалы дела не содержат данных о том, где расквартировался Засецкий и приехавшие с ним люди, с кем он разговаривал по прибытии, кого приглашал к себе и кто побывал у него вечером и ночью 18 мая, а также с кем он общался первую половину дня 19 мая до приезда Следственной комиссии. Очевидно только одно: место его дислокации было далеко от бывшей Дьячей избы и страшного рва с «побитыми». Нагие должны были быть уверены, что затеянная ими операция по фальсификации улики пройдет никем не замеченной, и что в первую очередь о ней не прознает пристав Темир Засецкий. Для подготовки предварительных списков угличан, подлежащих допросу перед следователями Шуйского, у Темира Засецкого оставались сутки. Оперативно подготовленные материалы позволили Следственной комиссии приступить к работе уже в день прибытия, т.е. 19 мая, начав с «расспросов» Михаила Нагого.

---

²² Темир Засецкий был довольно заметной фигурой в России конца XVI – начала XVII в. Ему нередко поручалось сопровождение важных государственных дел (в первую очередь внешнеполитического характера), что означало доверие к нему со стороны правительства Федора Ивановича и Бориса Годунова. Подробнее см.: Кузьмин 2004. С. 139, см. также с. 135–143.

То, что материалы для следователей Шуйского готовились заранее и именно в Угличе, подтверждается тем, что допрос Михаила Нагого уже содержал вопрос «...и для он че[во] велѣл во вторникъ збирати ножи, и пи[щали], и палицу желѣзную, и сабли, и класти на [уби]тых людей; и посадских из сел многих лю[деи] для ког(о) збирал, и почем[у] [городового прика]щика Русина Ракова приводил к целова[нью], что ему стояти с нимъ за один, и против было ково имъ стояти» (л. 2). Сведения о крестном целовании Русина Ракова и о положении оружия в ночь с 18 на 19 мая на тела побитых людей следственная комиссия никак не могла получить до своего приезда в Углич.

В историографии принято считать, что источником этой информации был сам городской приказчик, встретивший комиссию на въезде в город и вручивший им свою челобитную, дабы заявить свою лояльность следствию и таким образом облегчить свою участь²³. Безусловно, исключать вероятность того, что информатором Темира Засецкого или даже следователей комиссии В.И. Шуйского был Русин Раков (если он, например, встречал комиссию на подъезде в Углич), не следует. То, что уже в первый день расследования допрашиваемые получали вопросы, напрямую связанные с действиями Русина Ракова 18 мая, свидетельствует в пользу этого предположения. Однако связывать эти события с так называемой «первой челобитной» угличского городского приказчика нельзя.

Ракову традиционно приписывалась челобитная (л. 2), принадлежавшая на самом деле неизвестному посошному сборщику²⁴. А.П. Богданов отождествлял ее автора с приказчиком посошных людей Василием Свиридоновым (Богданов 1999. С. 231)²⁵. В этой челобитной о мистификации с оружием и об участии в ней Русина Ракова ничего не говорится. Истинная же челобитная «Русинца» Ракова, содержащая сведения об оружии, была вручена митрополиту Геласию только перед самым отъездом Следственной комиссии в Москву (л. 48–50). Тем не менее допрос угличского городского приказчика, так же как и допрос Михаила На-

²³ Подробнее см.: Зимин 1972. С. 155 (в историографии известна как «первая челобитная Русина Ракова»).

²⁴ То, что юридическим автором челобитной был не Русин Раков, а неизвестный по имени посошный сборщик, показал С.Б. Веселовский (1978. С. 169).

²⁵ Подобная идентификация бездоказательна. Поскольку начало челобитной утрачено, судить о ее авторстве можно только гадательно.

гого, уже касался «ножей»: «...И городовои приказщикъ Русинъ Раковъ скасал, что Михаило Нагой запираетца, что он ему ножи класть на убитыхъ людей не веливал...» (л. 5б–4). Мы полагаем, что комиссия Шуйского получила сведения о «ножах» от Темира Засецкого, у которого в Угличе были свои информаторы, оперативно опрошенные им до появления в городе комиссии В.И. Шуйского в порядке подготовки следственных мероприятий²⁶. Возможно, среди таковых оказался сторож Дьячей избы Овдоким Михайлов (ср.: Богданов 1999. С. 231–234), выдавший Нагих и Ракова и предупредивший успевшего сбежать Тимоху²⁷, хотя определенно судить об этом по имеющимся материалам невозможно.

О наличии предварительных списков вызываемых на допрос лиц свидетельствует то, что к допросу приглашались не только те лица, причастность которых к делу была очевидна, и не только те, кого упоминали в своих показаниях другие допрошенные уже в процессе «обыска». Перед комиссией предстали несколько человек, вызванных вне зависимости от каких-то очевидных причин. Они были допрошены потому, что угличский обыск был повальным. Для проведения такового нужно было четко определить круг лиц, подлежащих допросу. Иными словами, группы угличан и отдельные лица вызывались по какому-то списку, а не потому, что фигурировали в чьих-то показаниях. Так, в Следственном деле имеются показания никем из свидетелей и подозреваемых по «углицкому делу» не упомянутых игумена Давыда, избитого «починщиками» Истомки Батусова и царицына сына боярского Андрея Козлова. Ни в чьих посторонних показаниях не фигурировали и лица, допрошенные в группах № 1, 2, 4–9, 11–13. Ничем иным, кроме как упоминанием их имен в предварительно составленных списках, объяснить их присутствие в качестве фигурантов дела нельзя. Повальный обыск дал свои результаты, и в распоряжении следователей появились показания Семейки Юдина и Истомки Батусова, содержащие важнейшие детали гибели царевича Дмитрия и измены Нагих.

²⁶ Т.е. не позднее первой половины дня 19 мая.

²⁷ Если это так, то Тимоха сбежал не позднее утра 19 мая, вопреки показаниям Бориса Офонасьева, согласно которым побег Тимохи состоялся вечером в понедельник 17 мая (л. 6). Темир Засецкий в таком случае мог получить информацию о действиях Нагих в Дьячей избе и во рву с «побитыми» угличанами самое раннее в ночь с 18 на 19 мая, самое позднее – в первую половину дня 19 мая.

**Лица, допрошенные в ходе повального «обыска»
в Угличе в мае 1591 г.**

Городовой приказчик	1
Губной староста	1
Игумены, архимандриты	3
Священники	2
Царицны дети боярские	5
Подьячие и писчики	6
Угличские рассыльщики	7
Свечник	1
Скатерник	1
Повара	4
Хлебники	4
Помясы	8
Курятники	2
Сытники и страпчие Кормового дворца	5
Кючник Сытнного дворца	1
Подключники	3
Укусник	1
Истопники	5
Конюхи	5
Сторожа:	15
– сенные	9
– сытные	3
– Хлебного дворца	2
– Дьячьей избы (1)	1
Посошные	40+1 (Г. Толстой Максимов)
Итого:	121 чел.

Кроме расспросных речей, полученных в ходе следствия, угличское дело содержит четыре челобитных: вдовы дьяка Михаила Битяговского Авдотьи с дочерьми, городского приказчика Русина Ракова, угличских рассыльщиков и неизвестного посошного сборщика. Из них только челобитная Ракова дополняет его же показания, сделанные изустно в ходе дознания. Расспросных речей женщин Битяговских, посошного сборщика и рассыльщиков в Следственном деле в том виде, в каком оно сохранилось, нет, и очень сомнительно, чтобы они вообще были.

Первый же день работы Следственной комиссии выявил свидетельские показания, достоверность которых была поставлена под сомнения другими подследственными. В первую очередь это касалось показаний Михаила Федоровича Нагого, которые

были оспорены городовым приказчиком Русином Раковым. Допрос Михаила Нагого касался нескольких вопросов одновременно: 1) «Которымъ об[ыча]емъ ц(а)р(е)вича Дмитрея не стало»; 2) «...и что его бол[ез]нь была»; 3) «...и для он чево велѣл убити Михаила Б[и]тяговского, и Михайлова с(ы)на Данила, и М[икиту] Качалова, и Данила Трет(ь)якова, и Осипа В[оло]хова, и посадцких людеи, и Михайловых лю[деи] Битяговског(о), и Осиповых Волохова»; 4) «...и для он че[во] велѣл во оторникъ збирати ножи, и пи[щали], и палицу желѣзную, и сабли, и класти на [уби]тых людеи»; 5) «...и посадцких из сел многих лю[деи] для ког(о) сбирал»; 6) «...и почем[у] [городового прика]щика Русина Ракова приводил к целова[нью], что ему стояти с нимъ за один»; 7) «...и против было ково имъ стояти?» (л. 2).

Известно, что для преступников характерен дисбаланс между оценкой своих действий и требованиями, которые предъявляются ими же к другим лицам. Самооценка у преступников завышена, они склонны к самооправданию и стремлению переложить вину на других лиц. Иницировав убийство государева дьяка М. Битяговского и близких к нему лиц, насилие и погром в Угличе, Михаил Нагой не только не раскаивался в содеянном, а, напротив, пытался всячески оправдать свои действия и переложить ответственность за гибель людей на других. Он настаивал, что в побитии государева дьяка и угличан виновато «чернь», а в сокрытии улики – городской приказчик Русин Раков («...Михаила Битяговского, и с(ы)на ево Данила, и тѣ[х] всѣхъ людеи, которые побиты, побили чернь» (л. 3), «сбирал ножи, и пища[ли], и сабли, и палку желѣзную и клал на побит[ых] людеи городской приказчик Русин Раков» (л. 5б)). Из его показаний следует, что толпа («чернь») подчинилась зову набатного колокола: «а посадцкие люди збежалис[я] на звон» (л. 5б). Это свидетельствует об испуге и даже смятении Нагого, который, безусловно, чувствовал себя преступником и всячески пытался уйти от ответственности в гибели государева дьяка и других жертв событий 15, ссылаясь на то, что он был «...все у ц(а)р(и)цы» (л. 5б). Свои действия во время угличского погрома он определял глаголами «не веливал» и «не приваживал» и даже сделал попытку обвинить Русина Ракова в оговоре («то на нег(о) городской приказчик вводит» (л. 5б)).

Раков решительно отрицал свою вину («Михаило Нагой запираетца») и требовал у комиссии допросить других участников событий – Григория Нагого и человека Михаила Нагого Бориску

Афанасьева («Сфонасьева»), которые, по его мнению, должны были подтвердить Следственной комиссии справедливость его показаний и изобличить лжесвидетельства Нагого (л. 56–4). Комиссия прибегла к очной ставке, устроив перекрестный допрос Михаила Нагого с его «человеком» Борисом Афанасьевым. При этом Бориса Афанасьева допрашивали («розпрашивали») по четырем основным пунктам: 1) «про смерть про ц(а)р(е)вичеву»; 2) «про убивство Михаила Битяговского с товарищи»; 3) «и про ножи, для чего... Михаило велѣл, ножи собрав, класти на побитых людех»; 4) «ты нож городовому приказщику Русину давявал лы?» (л. 4).

Были допрошены и непосредственные исполнители задуманной Михаилом Нагим мистификации с оружием и телами побитых – сторож Овдоким Михайлов и Васька Малафеев. Овдоким Михайлов в деталях рассказал о зарезанной курице и выдал человека Нагого Тимоху, который принес курицу, самопалы, ножи и палицу к страшному рву с телами убитых. По словам Михайлова, мазал куриной кровью оружие Васька Малафеев. Малафеев полностью подтвердил эти показания.

В челобитной, поданной «Русинцом» Раковым митрополиту Геласию, последовательно излагаются ответы на все вопросы, заданные следователями 19 мая. Раков как должностное лицо, замешанное в преступлениях (пусть, как он утверждал, и не по своей воле), обязан был подать челобитную и изложить свою версию событий. Складывается впечатление, что, составляя ее, он излагал на письме все, сказанное им устно, добавляя только наиболее яркие детали, которые он упустил на допросе. Он показал, что 15 мая царевич у себя на дворе играл с жильцами в ножички «на шестом часу дни». Во время игры с ним случился приступ «падучей немочи». Он упал на землю и бился в конвульсиях. Во время приступа он «поколоса ножем сам и оттово... и умер». Раков услышал звук набатного колокола и прибежал на звон. Он увидел множество народа в городе и на прилежащей к дворцу территории. М. Битяговский, Д. Битяговский, М. Качалов, О. Волохов, Д. Третьяков и их люди к этому времени уже были убиты. Раков бросился к церкви св. Спаса, где его задержали Михаил и Григорий Нагие, причем Михаил Нагой был мертвецки пьян. Нагие привели Ракова к крестоцеловальной клятве «буде ты наш». Нагие потребовали от Ракова, чтобы тот взял на себя ответственность за смерть Михаила и Данилы Битяговских, Микиты Качалова, Осипа Волохова, Данилы Третьякова, будто бы все распоряжения о казнях давал он. Слут

погибших («людей их») он будто бы распорядился убить, т.к. они препятствовали казни дьяка Битяговского с сыном («они у меня отымали Михаила Б[и]тяговскаво [с] сыном»). Указывалась и причина погрома: «...А велел, г(о)с(у)д(а)рь, убити Михаило Нагой Михаила Битаговсково и сыном по недружьбе: многажды с ним бранивался про ѿсударево дело, и в тот ден(ь) с ним бранился ѿ посохе, что велел, г(о)с(у)д(а)рь, с них взят(ь) посохи пядесят человекъ, под город под гуляи, и он, г(о)с(у)д(а)р[ь], посохи не дал; и Михаило, г(о)с(у)д(а)рь, Нагой напился п(ь)ян, да велел убити Михаила Битяговсково и сыном; а Микита Качалов, да СѸсип Волохов, да Д[а]нило Трет(ь)яков, да и их люди учили отимать, и он их велел побити туто ж» (л. 49–50).

Обращает на себя внимание и указание на алкогольное опьянение Михаила Нагого. Из показаний Ракова как будто следует, что распоряжения убивать Нагой отдавал с пьяных глаз («напился п(ь)ян, да велел убити»). Вероятно, изложенные угличским городовым приказчиком сведения были признаны ключевыми и носили характер своего рода отчета должностного лица. Не случайно челобитная Русина Ракова была зачитана Освященному собору 2 июня в Москве.

Сохранившийся экземпляр следственного дела в структурном отношении представляет собой а) материалы угличского «обыска» (л. 1–46) и б) материалы Освященного собора (Преамбула и сказка митр. Геласия (л. 47); Вердикт по делу (л. 51–52) и распоряжения царя Федора Ивановича (л. 52); Наказные памяти в Углич Ф.Н. Дроздову, М.В. Молчанову, Ф.В. Жеребцову и дьяку П. Карпову (л. 53–54)). Среди материалов Освященного собора находится также челобитная угличского городского приказчика Русина Ракова (48–50). Первоначальная структура дела не ясна, поскольку оно сохранилось в неполном и фрагментированном виде.

Порядок ведения и оформления судебно-следственной документации впервые определялся Судебником 1550 г.:

[28]. А которое будет дело судит царь и великий князь, или дети царя и великого князя или бояре, и которой суд не кончатца, оставят его в обговоре, и дьяку исцевы и отвечиковы речи велети записати перед собою; или о чем ся пошлют на послушество, и дьяку то велети записывати перед собою ж; да те ему дела держати у себя за своею печатью, доколе дело кончатца. А которые дела дадут дьяки подьячим с черна начисто переписывати, и дьяком к тем жалобни-

цам и к делу по сставом руки свои прикладывати. А как подьячей с черна начисто дело переписшет, и дяку те дела все справити самому, да к тем делом дяку рука своя приложити; и держати те дела дяку у себя за своею печатью. А подьячим дел у себя никоторых не держати; а вымут у подьячего список или дело не за дьячею печатью, а руки дьячие у того списка или у дела или у жалобницы не будет, и тот список и пошлины и езд взяти на дяке, а подьячего бити кнутьем; а вымут у подьячего список или дело за городом или на подворье, и тот список взяти на дяке, а подьячего казнити торговою казнью да выкинути ис подьячих, и ни у кого ему в подьячих не быти (Судебники 1952. С. 149).

Весь этот порядок документирования впоследствии не пересматривался и был подтвержден Судебником царя Федора Ивановича 1589 г.²⁸ Таким образом, дяки обязывались держать при себе все записи расспросных речей, полученных в ходе расследования. Поручая подьячим переписать дело начисто, дяк должен был сверить переписанное и, убедившись в правильности белой копии, заверить ее своею рукой по местам склеек («сставом»): «и дяком... по сставом руки свои прикладывати». Дьячья справа (подпись) ставилась таким образом, чтобы разорванное по слогам имя дяка оказывалось на каждой склейке. Как известно, подобная процедура проделывалась во избежание утрат, намеренных изъятий и перестановок отдельных листов дела внутри столбца, иными словами, была направлена на недопущение актов подделок (Судебники 1952. С. 149). Подписанные и заверенные печатью дела хранились у дяка. Подьячим запрещалось держать дела при себе, а также выдавать их без соответствующего оформления. В противном случае действия подьячего расценивались как должностное преступление.

---

²⁸ Ср.: «[75.] А которое дело судить црь і великии кнзь или дети црвы и боярѣ, и которои суд не кончяетьца, а оставят его во обговоре, — и дяку исцевы и ответчиковы речи велити записывати пред собою, да те ему дела держати у себя за своею печат(ь)ю, доколе дело кончяетьца» (Судебники 1952. С. 385). Судебник 1589 года известен как кодекс права, составленный при царе Федоре Ивановиче, однако его происхождение вызывает споры. Считается, что он мог быть предназначен только для северных областей Русского государства (его преамбула наряду с именем царя Федора и патриарха Иова упоминает новгородского митрополита Александра, а язык содержит северные диалектные черты). Согласно другой точке зрения, Судебник 1589 г. остался законопроектом и в действие введен не был (составлен «мирскими» судьями двинских волостей Поморья или связан своим происхождением с Устьянскими волостями, пожалованными в кормление Д.И. Годунову). – Подробнее см.: Андреев 1924. С. 207–224.

Наказание подьячего, допустившего выдачу не надлежащим образом оформленного документа, зависело от того, где документ был выдан: в приказе, по пути подьячего домой или у себя дома («за городом или на подворье»), и варьировало от битья кнутом или плетью («торговая казнь». – Каштанов 2014. С. 359) до увольнения с запрещением занимать эту должность впредь («...а подьячего казнити торговою казньою, да выкинути ис подьячих, и ни у кого ему в подьячих не быти»). Дважды повторенный оборот «а вымут у подьячего список или дело» содержит намек на то, что кража отдельных документов или всего столбца была вполне знакома судопроизводству XVI в., и незаконного изъятия расспросных речей, челобитных, сказок и изветов из материалов дела опасались. Предотвратить последнее старались угрозой наказания и достаточно строгим соблюдением условий хранения документов дьяками и подьячими.

Обращает на себя внимание, что ни один (!) документ Угличского следствия не сохранился со следами дьяческой скрепы. Почему вопреки действующему законодательству дело не было оформлено надлежащим образом? Что стоит за этим? Намеренная фальсификация? Каковы палеографические и дипломатические особенности «дела обыскного» и могут ли они пролить свет на эту – без сомнения, еще одну – загадку расследования гибели царевича Дмитрия и «измены» Нагих?

Согласно наблюдениям В.К. Клейна, предпринявшего первую попытку дипломатического исследования сохранившихся материалов угличского «обыска», в течение XVII в. Следственное дело хранилось в виде столбца (Клейн 1913. Ч. 1. С. 15–65). Условия хранения были неудовлетворительными. В Описи Посольского приказа 1626 г., куда дело попало, вероятно, в период Смуты, оно фигурирует наряду с другими «изотлевшими», «розпавшимися» и «подранными» бумагами, среди которых «иных столбцов нет», а «иных и подобрать нельзя» (Опись 1977. Л. 429–429 об., см. также л. 420–454). А.П. Богданов обратил внимание, что в Описи Посольского приказа 1614 г. упомянуты «из задние палаты... дела в ящиках». В первом из них находились «розни старой блаженной памяти при царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси и при царе и великом князе Федоре Ивановиче всея Руси доводные и иные приказные дела, и приказы посланником и гонцом по опальных людей и иная мелкая рознь, а посольских дел нет» (Опись 1960. Л. 185–185 об.; см.: Богданов

1999. С. 299–300, примеч. 140). Не исключено, что именно среди этой «розни» оказалось и угличское Следственное дело. Хранили содержимое ящика, как и подобает неразобранной «розни», не особенно тщательно. В конце концов, бумага Следственного дела оказалась подмоченной и покрылась пятнами сырости.

В 1720 г. архив бывшего Посольского приказа был передан в Московский архив Коллегии иностранных дел. Именно там, как полагал В.К. Клейн, Следственное дело подверглось архивной обработке, в ходе которой первые расклеившиеся склейки были перепутаны. В таком виде они были пронумерованы Н.Н. Бантыш-Каменским (ок. 1798 г.), который, в свою очередь, также переставил некоторые склейки местами, а затем переплел дело в тетрадь. В таком виде, с перепутанными листами, с нарушенной в XVIII в. последовательностью склеек, а также с неточностями в передаче текста и пропусками, Следственное дело было впервые издано в 1819 г. (СГГД. Ч. 2. С. 103–124, № 60). Таким оно вошло в научный оборот, и только в 1913 г. было переиздано В.К. Клейном фототипически и набором (Клейн 1913. Ч. 2).

По подсчету В.К. Клейна, дело состоит из 63-х склеек, причем количество склеек в деле до оформления его в переплет в XVIII в. было другим. Клейн предположил, что теперешнее количество склеек образовалось не в результате естественной расклейки дела, а от разделения и даже разрывания свитка «на произвольное число кусков, удобное для заключения их в переплет» (Клейн 1913. Ч. 1. С. 8). Таковы в общих чертах наблюдения и выводы Клейна, которые в целом были приняты всеми исследователями Угличского следственного дела.

В.К. Клейн считал первым признаком порчи целостности Следственного дела помету, сделанную на обороте л. [III]²⁹ почерком первой четверти XVIII в.: «[Д]ѣло розыскное 99-г(о) году | про убивѣство ц(а)[р]евича Димитр[ия] | Ивановича на Угличе. Конц[а] | і начала неть». Эта помета позволила Клейну заключить, что «древнейшие достоверные данные о порче и утрате частей угличского дела относятся к концу XVII в.» (Клейн 1913. Ч. 1. С. 11). Однако, по справедливому замечанию С.Б. Веселовского, если надпись относится к первой четверти XVIII в., то к этому же времени относится и указание о порче. Сама же порча «могла произойти и в конце XVII в., и в московской по-

---

²⁹ Нумерация В.К. Клейна.

жар 1626 г., и во время Смуты» (Веселовский 1978. С. 163–164). Веселовский поставил под сомнение предположение Клейна о том, что помета была сделана одним из первых «архивариусов» Коллегии иностранных дел: «... это возможно, но не несомненно, так как и до учреждения архивариусов приказные подьячие описывали хранившиеся у них на руках дела» (Там же. С. 164). Примером такого описания он называет помету XVII в. на обороте последнего листа следственного дела «Убив[ств]о царев[ича] Дмитрея Углетцкого» и полагает, что запись на обороте первого листа (л. [III] по Клейну) «могла быть сделана и первым архивариусом Иностранной коллегии, и одним из последних подьячих Посольского приказа» (Там же). Поскольку лист с записью начала XVIII в. находится не на своем месте, очевидно, что в руки архивариуса Иностранной коллегии следственное дело попало уже в виде отдельных листов, частично склеенных вместе, частично нет, иногда разорванных и на некоторую глубину подмоченных. Соглашаясь в этом с В.К. Клейном, С.Б. Веселовский отрицает, что архивариус XVIII в. попытался привести дело в порядок.

Справедливо полагая, что первой в деле должна была находиться челобитная посошного сборщика (см. ниже), и обратив внимание на то, что после нее несколько листов утрачено, «а затем уже следовал лист, который помещен первым и на котором сделана отметка XVIII в.», Веселовский заключал: «То же обстоятельство, что два листа челобитной посошного сборщика сохранились хорошо, а первый лист с отметкой порван и сильно подмочен, дает основание полагать, что листы дела были перепутаны раньше, еще в XVII в., и что архивариус Иностранной коллегии не пытался подобрать листы в надлежащей последовательности и оставил дело... в свитке, с перепутанными листами» (Там же). Это принципиальное наблюдение С.Б. Веселовского прямо подкрепляется данными Описи 1626 г. «Дело сыскное про смерть царевича князя Дмитрея Углецкого» зафиксировано в ней как уже распавшееся на отдельные листы: «Столпик, а в нем дело сыскное про смерть царевича князя Дмитрея Углецкого, как посыланы были на Углич боярин князь Василей Иванович Шуйской, да окольничей Ондрей Клешнин, да дьяк Елизарей Вылузгин, 99-го году, распалося все и верху у него нет» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 3. Д. 2. Л. 429–429 об.; Опись 1977. Л. 429–429 об.). Иными словами, «столпик» уже к 1626 г. «столпиком» не был.

Делопроизводство в Русском государстве XVI–XVII вв., предусматривавшее не только движение, но и хранение бумаг, было только столбцовым (Черепнин 1956. С. 342–344; Ерочкин 1983. С. 64–65). Документация, находящаяся в стадии обработки (в том числе по незавершенным делам, «доколе дело кончатца»), по-видимому, также не знала иного способа хранения и перемещения, как в виде свитка. Вероятно, не сверенные, не склеенные или не доклеенные до конца, не скрепленные подписью дьяка бумаги сворачивались наподобие столбца, будучи сложенными стопкой в том порядке, в каком они должны быть впоследствии перебелены, склеены по ставам, сверены, скреплены подписью дьяка и т.д. Не в таком ли виде хранился экземпляр угличского «дела сыскного» в 1626 г.? И не в таком ли виде были подмочены его листы и образовались пятна сырости, служившие В.К. Клейну ориентиром для определения первоначального порядка документов в нем? Иными словами, имел ли сохранившийся экземпляр Угличского следственного дела законченный вид свитка – бумажной ленты, в котором все материалы были в определенной последовательности склеены?

Архивисты XVIII в. получили в свое распоряжение фрагменты какого-то экземпляра Следственного дела, который а) очевидно не имел начала («верху у него нет»); б) состоял из несклеенных в единый столбец материалов³⁰; в) содержал как черновые, так и белые копии. Точнее сказать, сохранившийся среди «мелкой розни» в одном из ящиков Посольского приказа экземпляр Следственного дела никогда не имел законченного вида столбца, в котором все документы были бы перебелены подьячими, сверены и сопровождаемы рукоприкладствами, а отдельные листы склеены по ставам и заверены дьячьей скрепой. Последовательность листов в этом экземпляре в основном отражала порядок и ход следствия, несмотря на то, что и внешний его вид, и содержание говорят о его неполноте за счет утрат. Этот документ в виде россыпи определенным образом подобранных фрагментов дела не был и не должен был быть

---

³⁰ Промежуточные склейки, необходимые для переписывания того или иного фрагмента дела целиком, образовывались по ходу создания беловых и черновых копий, т.е. в процессе подготовки некоего цельного документа (= Угличского следственного дела). В конечном итоге такой документ (в форме единого свитка-бумажной ленты) так и не был составлен, поскольку его части (отдельные фрагменты Угличского дела) послужили для формирования какого-то нового документа, в котором стали предварительными или черновыми материалами.

представлен Освященному собору 2 июня 1591 г. Он не имел никаких удостоверительных знаков, делающих его официальным документом. В XVII в. он хранился в виде свернутой в свиток и, вероятно, каким-то образом перевязанной пачки листов, находившейся среди прочей «розни» и «подранных» бумаг Посольского приказа, не имевших прямого отношения к деятельности этого учреждения («а посольских дел нет»).

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев А.И.* Судебник 1589 года и его списки // Известия Рос. Акад. наук. 6-я серия. Т. 18, вып. 1–11. 1924. С. 207–224.
- Богданов А.П.* Основы филиграноведения. История, теория, практика. М., 1999.
- Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978.
- Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
- Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.
- Канторович Я.А.* Средневековые процессы о ведьмах. М., 1991.
- Капитанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970.
- Капитанов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988.
- Капитанов С.М.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014.
- Клейн В.К.* Угличское следственное дело. М., 1913. Ч. 1: Дипломатическое исследование; Ч. 2: Фототипическое воспроизведение подлинника и его транскрипция.
- Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992.
- Кузьмин А.В.* Родословная роспись дворян Засецких из родословной книги середины XVIII века Музейного собрания РГБ (Исследование и публикация текста) // Румянцевские чтения. Мат-лы междунар. конф. «Инновационные технологии и многообразие культур». М., 2004.
- Маневич И.А., Шахов М.А.* Всемирная история телесных наказаний. М., [б/г.].
- Маньков А.Г.* Уложение 1649 года: Кодекс феодального права России. Л., 1980.
- Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подгот. к печати В.И. Гальцов. М., 1977.
- Опись царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1960.

- Полосин И.И.* Социально-политическая история. М., 1963.
- Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / Отв. ред. В.С. Пересеянец. М., 1986.
- Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1, ч. 1–2; Т. 2, ч. 1–2.
- Столярова Л.В., Каушанов С.М.* Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2010.
- Судебники XV–XVI вв. М.; Л., 1952.
- Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Подгот. к изд. Н.Н. Покровский; под ред. С.О. Шмидта. М., 1971.
- Тальберг Г.Г.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912.
- Черепнин Л.В.* Русская палеография. М., 1956.
- Черепнин Л.В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.

Lyubov V. Stolyarova

THE RECORDS OF INTERROGATION AS A FORM OF WRITING DOWN ORAL STATEMENTS IN THE LATE SIXTEENTH-CENTURY RUSSIA

The paper is dedicated to the practice of recording of interrogation accounts (*rasprosnye rechi*) during the investigation of the death of Prince Dmitry in Uglich in 1591. The author analyzes the terminology used in the trial records when writing down the witness accounts of the participants and the eyewitnesses of the Uglich tragedy, the wordings which reflect oral formula used by the interrogated as well as the patterns of standardization of oral accounts when writing them down.

Key words: death of Prince Dmitry, trial, oral sources, trial records, terminology of investigation, formulaic of trial documents.